

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Н. Николюкин

ПУТЕШЕСТВИЕ С.П. ШЕВЫРЁВА ПО РОССИИ^{*}

Аннотация. В 1847 г. профессор Московского императорского университета С.П. Шевырёв во время отпуска посетил Кирилло-Белозерский монастырь. Он посетил Александров, Ростов, Ярославль и Вологду, где встретился с душевно-больным поэтом К.Н. Батюшковым. Описал он и Ферапонтов монастырь, но тогда замечательные фрески Дионисия еще не были открыты.

Ключевые слова: С.П. Шевырёв.; Вологда; К.Н. Батюшков; путешествие; фрески Дионисия.

Nikolyukin A.N. Shevyryov's travel across the Russia

Summary. In 1847 the Russian writer and professor of Moscow Imperial university S.P. Shevyryov on his vacation visited Kirillo-Belosersky monastery. On his way there he attended some towns, among them Alexandrov, Rostov, Yaroslavl and Vologda, where he met mentally deranged poet K.N. Batuschkov. Shevyryov visited also Ferapontov monastery but the famous fresco by Dionisy had not been found in those years.

Keywords: P.S. Shevyryov; Vologda; K.N. Batuschkov; travelling; fresco by Dionisy.

«Нужно проездиться по России», – писал Н.В. Гоголь графу А.П. Толстому. Эта глава в книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) была исключена цензурой и увидела свет лишь через 20 лет во втором издании книги. Издавая в 1850 г.

^{*} Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18–012–00150.

свою книгу «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году», автор, даже будучи другом Гоголя, едва ли мог читать эту главу, заканчивающуюся словами: «Монастырь ваш – Россия». Однако сама мысль Гоголя была близка Шевырёву.

Во время поездки он посетил города Александров, Ростов, Ярославль, Вологду и описал жизнь и нравы провинции тех лет. Приехав в Вологду, он пишет: «Наружность Вологды поразила меня своею древностью. Но в этой древности было и что-то мрачное. Особенно стены и башни ее с черными куполами бросились мне в глаза прежде всего. Вологда издревле была городом торговым, который позднее связывал Москву с Архангельском. Английские посольства всегда проезжали через нее. Она стояла на богомольном пути древних царей наших в Кириллов монастырь. Всегда была исстари и местом изгнания»¹.

Шевырёва издавна интересовал Кирилло-Белозерский монастырь. «Давно желал я взглянуть на прелести нашего севера. Особенно хотелось мне посетить белозерские места, с которыми связана память преподобного Кирилла, одного из просветителей тамошних краев в пору татар. Летом 1847 года удалось мне выполнить это желание. Краток по времени был мой отдых и путь; но многое впечатлений прошло по душе» [I, 2].

Как бы отвечая на требование Гоголя «проездиться по России», Шевырёв продолжает: «У нас есть люди, готовые осмеять даже мысль о путешествии по России. Выдавая себя за строгих поклонников Запада, они в этом случае однако позволяют себе отступить от него, потому что Запад не только не пренебрегает такими путешествиями, но ввел их в моду и беспрерывно обогащает свою литературу их описаниями» [I, 3].

Но, считает Шевырёв, существует и другая причина невозможности путешествовать по России. «Она состоит в недостатке комфорта, великого плода европейской цивилизации, столько лестного самолюбию нашей человеческой натуры. Справедливо говорят: в России можно только ездить по делам, а путешествовать нельзя. В самом деле, вы путешествуете только за границей: путешествие там сопровождалось, по крайней мере прежде, каждый день, прекрасным завтраком, вкусным обедом, мягкой постелью. Странствуя по России, вы беспрерывно подвергаетесь тем лише-

ниям, которые для иного, скованного привычками воспитания, просто невыносимые несчастья, удары судьбы; вы на самих себе, и ночью и днем, чувствуете почти всякий час, как отстали мы в комфорте жизни перед другими – и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользе, если бы эта польза была даже возможна» [I, 3].

Наибольший интерес в первом томе книги Шевырёва представляет в главе «Вологда» раздел «Встреча с Батюшковым». В 1833 г. К.Н. Батюшков, как душевнобольной, получив пожизненную пенсию от Государя, переезжает в Вологду и поселяется в доме Соковикова, где занимает пять комнат. С 1835 г. в одной из комнат жил компаньон поэта – штаб-ротмистр Львов. Через 10 лет, в 1845 г., Батюшкова перевезли в дом, где жил со своим семейством его племянник Григорий Абрамович Гривенс. 8 июля 1847 г. Шевырёв приехал к Гривенсу рано утром. Никто не встретил его. «Я вошел тихо. Дверь, ведущая в залу, была немного отворена, и когда я взглянул туда: мне мелькнула какая-то белая фигура, ходившая из угла в угол по комнате. Я взгляделся: это был старишок, небольшого росту, в белом полотняном сюртуке; на голове у него была бархатная темномалиновая ермолка; в руках белый платок и серебряная табакерка; на ногах черные спальные сапоги. Я старался, как можно скорее, рассмотреть с ног до головы этого старишечка: мне почему-то казалось, что это Батюшков; и в самом деле это был он. Я глядел на него только один миг. Он сейчас услыхал шум в передней, подошел к двери, взглянул на меня и быстро повернувшись ушел» [I, 111].

Дожидаясь, что кто-нибудь войдет, Шевырёв сел на стул около зеркала. И вдруг «раздались шаги, и в залу вошел тот же бельзийский старишок. Не глядя на меня, он пошел прямо к зеркалу; я увидел там его лицо и страшные глаза, дико сверкавшие из-под густых бровей, как будто бы он сердился; он также увидел меня; два раза окинул меня глазами; потом взглянул опять в зеркало, снял ермолку, взъерошил волосы, совершенно белые и низко подстриженные, надел опять ермолку, быстро повернулся и скорыми шагами вышел, или, можно сказать, выбежал вон» [I, 111].

Вошедший хозяин пояснил, что Батюшков не любит, когда приходят его смотреть. Когда сели пить чай, он сел рядом с Шевырёвым. «В это время он нисколько не походил на сумасшедшего.

Как ни вглядывался я: никакого следа безумия не находил на его смиренном, благородном лице. Напротив, оно было в ту минуту очень умно» [I, 112]. Днем Шевырёв наблюдал, как молчаливый Батюшков рисует картинки красками и отдает нарисованное детям. «На картинках его всегда одно и то же изображение: белая лошадь пьет воду; с одной стороны деревья, раскрашенные разными красками – желтой, зеленою и красной; тут же досталось иногда и лошади на долю; с другой стороны замок; вдали море с кораблями, темное небо и бледная луна» [I, 114].

Краткое описание жизни поэта завершается словами: «Это был первый сумасшедший, которого я видел... и какой человек! И какой урок человеку!.. Мне часто приходит на память это славное лицо, эти глаза, из которых иногда как нарочно сверкает что-то, напоминающее ум, навеки улетевший из даровитой головы... Я живо вижу эту белую фигуру у окна, с руками, сложенными крест-накрест, с лицом, обращенным к небу; кажется, я слышу, как он шепчет что-то, как бы молитву, и мне хочется спросить: если ты молишься, о чем ты молишься, старик?..» [I, 115].

Во второй части книги наибольший интерес представляют главы, посвященные Кириллову монастырю и упраздненному Ферапонтову монастырю. Шевырёв вспоминает, как жил здесь сосланный патриарх Никон, как в озере ловил рыбу сетью, связанной собственными руками, как возделывал он огороды вокруг озера. Но ни слова не сказал великий знаток русских древностей о фресках Дионисия. Наверное, не заходил он в храм или фрески не были еще открыты. Только в 1899 г. И.И. Бриллиантов напечатал свою книгу о Ферапонтовом монастыре и его фресках.

Купание в озере стало для Шевырёва необычным. «Чтобы не слишком разгоряченному от солнечного зноя прийти к воде, я надел белую, полотняную блузу и светлую соломенную шляпу, но после в том раскаялся, – пишет Шевырёв. – Крестьяне, собравшиеся многочисленною толпою, падали всюду ниц, где я ни проходил, творили огромное знамение креста и целовали мне ноги. Они, казалось мне, считали меня за высокую духовную особу, потому что я весь был в белом» [II, 106]. Шевырёв ускорил шаги, а некоторое время спустя понял, что то было 23 июня, день Владимирской

иконы Богоматери, когда был ход с образами, и он все молитвенные поклоны народа святым иконам принимал на свой счет.

Как филолог Шевырёв обратил внимание на язык местного населения. «Все время употребив на обитель и ее памятники, я не мог посвятить ни минуты городу Кирилову. Но в нем наиболее любопытное есть его наречие, которым говорят самые грубые простолюдины, чуждые образования. Оно имеет много сходства с малороссийским и доказывает южное население края» [там же]. И он приводит несколько примеров, собранных от человека, знающего хорошо разнообразные наречия всего окрестного края.

Посетив Нилосорскую пустынь, Шевырёв описал немногое, что осталось от XV столетия. Когда он возвращался из скита, то «у ворот какой-то деревни встретил пешехода-странника, который шел поклониться гробу преподобного Нила. Странник служил во флоте, но вышел в отставку, отправился по богомольям. Весь оброс бородой, другой год как уже ходит. Был у Соловецких; вытерпел бурю; судно разбилось под странниками; но ему то было уже не впервые. А в Петров день монастырь Соловецкий кормил от 4-х до 5-ти тысяч богомольцев. Так говорил мне очевидец, бывший одним из них, направляя ровные шаги свои в пустынь Нилосорскую» [II, 102].

В библиотеке путешествий по России, от Н. Карамзина и А. Радищева до В. Розанова («Русский Нил») и М. Пришвина («В краю непуганых птиц»), книга Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь», забытая нашим читателем и литературоведением, займет положенное ей достойное место.

¹ Шевырёв С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году: в 2 ч. – М.: В Университетской тип., 1850. – Ч. 1. – С. 105. Далее цитаты по этому изданию приводятся в тексте с указанием части (римская цифра) и страницы (арабская цифра).